

Жанр музыкальной комедии — едва ли не труднейший в театральном мире. Можно по праву сказать, что зритель предъявляет к нему повышенные требования, так как ищет на сцене оперетты отзвук и на свои мысли, и на свои чувства, хочет, чтобы слова и музыка, пение и балет сливались здесь в гармоничный ансамбль, обладающий большой силой эмоционального воздействия. В какой же степени удовлетворяет этим требованиям Волгоградский театр музыкальной комедии?

Коллектив волгоградцев, возглавляемый главным режиссером Ю. Гениным и главным дирижером Д. Пекарским, отличается ярко выраженное стремление к жизненной правде. Оперетта — жанр условный, в нем актеру зачастую приходится играть только простака (если его ампула — простака) или только героя (если его ампула — герой). Но волгоградский театр в ряде своих постановок доказал, что освободиться от опереточной условности и опереточных штампов можно и нужно; он вывел на сцену не просто актера, которому предстоит играть лишь любовь либо лишь глупость, а человека живого, многогранного, с характером, сделанным не по канонам жанра, а по законам жизни. В этом отношении наиболее характерен

спектакль «Сердце балтийца». В нем режиссеру Ю. Генину удалось добиться полной ансамблевости сценического действия. Каждый актер создает образ живой и самобытный, а все актеры вместе дают впечатляющий рисунок коллектива наших современников, в котором личные отношения и личные переживания людей органически сплетены с чувством

нужно жизненно правдивым штрихом и тут же на смену ему выплывает самая обыкновенная схема. Никак, например, нельзя поверить в молниеносное раскаяние Кудрявцева в конце спектакля. И если уж говорить о реалистичности, то здесь наибольшего успеха добилась артистка Л. Шатрова, хотя и выступала она во второстепенной роли Антоновой.

зальтированных жителей в полной мере раскрывается в массовых сценах, в напоенной южным солнцем и страстью тарантелле. И кажется, присутствуй Штраус в зрительном зале, он больше всех аплодировал бы волгоградцам за этот умный, певучий, покоряющий спектакль.

Очень интересна постановка оперетты «Продавец птиц» Целлера, осуществленная Ю. Гениным и Д. Пекарским. Здесь главная ставка сделана, пожалуй, не на идиллическую любовь юного тирольца Ада-

И МЫСЛЬ И ЧУВСТВО

К ГАСТРОЛЯМ В КАЗАНИ ВОЛГОГРАДСКОГО ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

долга перед обществом, перед Родиной.

И тем не менее «Сердце балтийца» — не просто пьеса, а самая настоящая оперетта. В ней сказала свое слово — и очень весомо — музыкальная драматургия, мелодичная, певучая, на фоне которой такими яркими, зажигающими выглядят на сцене любовь и грусть, радости и сомнения; короче говоря, все то, без чего немислима музыкальная комедия.

В меньшей степени удалась театру такая гармоничность в другом спектакле на современную тему — в «Волжаночке». В нем пьеса и оперетта существуют как-то обособленно друг от друга. Образы главных героев — Павла, Нины и особенно Кудрявцева — свер-

Театр предъявляет хорошую требовательность к постановкам оперетт классического репертуара. На его сцене неузнаваемым стал, например, «Последний чардаш». Исчезла детективная линия примитивного шпионажа и «женщины-вамп» Лиу Чен, которую продемонстрировал в свое время казанцам оренбургский театр. Сцены в китайском варьете, ничего не дающей для развития образов и являющейся по сути дела вставным номером, у волгоградцев нет. Зато появилась сцена в маленьком венгерском городке, где вполне естественно пришла к логической развязке история любви Викторни и Стефана, и где в полную силу смог зазвучать искрометный, блистательный венгерский чардаш — воплощение души целого народа.

Такую же творческую требовательность предъявил театр и к «Баядеру». Он оставил в ней самое главное и ценное — музыку Кальмана, изгнав те схемы и штампы, что кочуют из «Сильвы» в «Марицу», из «Марицы» в «Принцессу цирка», а из «Принцессы цирка» в «Баядеру». Эстетическое восприятие зрителем музыкального богатства калмановской оперетты становится от этого только более цельным и глубоким.

Из оперетт классического репертуара с блеском поставлена «Ночь в Венеции». Режиссер К. Ставский и дирижер Ю. Милушкин с подлинным вдохновением прочли и продемонстрировали штраусовскую мысль и штраусовскую музыку, создав спектакль, звучащий порой как добрая, веселая поэтическая сказка. Но заселена эта сказка людьми, слепленными из плоти и крови, которые идут от жизни, любят жизнь во всех ее проявлениях любовью ласковой и светлой. Таковы рыбакка Аннина и ее жених Карамелло; их законченные образы как в музыкальном, так и в драматическом отношении создали артисты Т. Папина и Т. Русабров. Они — оптимисты, у них богатые и открытые людям сердца, глазами, полными здравого смысла и добродушного юмора, смотрят они на окружающую действительность. И поэтому так легко, просто, убедительно переходят эти двое влюбленных от слова к песне, от песни к танцу. Понимаешь: не могут они иначе, потому что жизнь для них — песня, потому что нельзя не петь и не танцевать, когда песня заложена в душе.

Удачно дополняют центральную пару макаронщик Папачода и служанка Циболетта, чьи роли по-штраусовски живо, весело, слегка иронично ведут артисты М. Таубе и З. Силкина. В общую поэтическую ткань спектакля очень органично входят глупые и жадные венецианские сенаторы и сам герцог Урбино — старый, облезлый, сластолюбивый. Режиссеру и дирижеру удалось добиться динамичного, феерического ритма спектакля, в котором люди за словом в карман не лезут, где все — в движении, где никто не хочет покоя. Радостная, карнавальная обстановка Венеции, облик ее темпераментных, эк-

ма (артист Г. Шатовский) и Христины (артистка Т. Папина), а на социальную сторону, на разоблачение насквозь прогнившей дворянской аристократии. Свет и тени, добро и зло в спектакле разграничены предельно четко. Сатирическое осмеяние герцога, барона Велса, фрейлины Аделаиды, Станислава происходит не только за счет таких средств, как гротеск, или бичующая насмешка. Контрастирующая система образов подчеркивает, с предельной ясностью показывает благородство душ простых людей и низменность, пошлость, глупость людей «благородных». В этой связи особенно ценной выглядит работа артиста Ю. Чернова, выступившего в роли Велса. Поражает богатство сатирической палитры артиста, с помощью которой острогротескный образ приобрел типические черты обреченного на гибель дворянства.

Нужно сказать, что не всегда театр остается верен себе. Не оставляют впечатления новизны, свежести такие спектакли, как «Граф Люксембург» и «Цыганская любовь». Представлены они добросовестно, добротнo, но без смелого творческого взлета. Здесь театр, для которого характерно стремление к опереттам «трудным», опереттам-операм или опереттам-драмам, который строит свой репертуар очень оригинально и самобытно, не отошел от уже заигранных на сцене образцов. Говоря об этом, нельзя, конечно, зачеркнуть некоторых неоспоримых актерских удач. В «Графе Люксембурге» очень хорошо спела партию и не менее хорошо сыграла роль Анжели артистка Л. Моисеева. Порадовал Г. Шатовский в главной роли Рене. После «Сердца балтийца», где он выступал в комической роли Алеши Куницына, артист продемонстрировал здесь, насколько широк его исполнительский диапазон. В «Цыганской любви» поэтично, страстно, взволнованно прозвучала история любви Зоринки и Сандора, роли которых исполняли артисты Т. Папина и В. Христенко.

Волгоградский театр музыкальной комедии оставляет о себе в Казани добрую память. Запоминается казанцам такие замечательные певцы и исполнители, как Т. Папина, Л. Моисеева, Т. Русабров, В. Христенко, Г. Шатовский, запомнятся удивительно юная, свежая манера игры З. Силкиной, незаурядный комический талант Ю. Чернова, Г. Палей, М. Таубе и многих других актеров. И, конечно, долго не сгладится яркое впечатление от волгоградских мастеров балета. Особенно хочется отметить выступления Т. Сапельниковой в «Продавце птиц» и А. Поляковой — в «Цыганской любви».

Волгоградский театр идет по верному творческому пути — пути хороших поисков и ценных находок.

А. АВДЕЕВ.

СОВЕТСКАЯ
ТАТАРИЯ

3 стр. 31 июля 1964 года